

Константин Косачев: Россия страдает от «презюмции виновности» | Konstantin Kosachev: Russia suffers from the "presumption of guilt"

Автор: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 12.03.2014.



Константин Косачев в Женеве (photo NashaGazeta.ch)

В прошлые выходные глава Россотрудничества находился в Женеве для участия в 13-й сессии Российского экономического и финансового форума в Швейцарии. Несмотря на краткость визита, нам удалось с ним встретиться.

Last weekend the head of Rossotrudnichestvo attended the 13th session of the Russian economic and financial forum in Switzerland. Despite the limited time available, we were able to meet with him.

Konstantin Kosachev: Russia suffers from the "presumption of guilt"

Наша Газета.ch: Константин Иосифович, Вы - глава федерального агентства, официальное название которого насчитывает 16 слов (Федеральное

агентство по делам содружества независимых государств соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству), в обиходе именуемого Россотрудничество. Формально эта организация создана в 2008 году, но по сути она является преемницей многих ранее существовавших аналогов, начиная со Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, основанного в 1925 году. Изменилась ли суть работы?

Константин Косачев: Если брать предысторию, то за 70 лет советского периода именно эта форма работы претерпела всего одну реформу. Действительно, в 1925 году было создано Общество связи с заграницей, а потом появился известный Союз советских обществ дружбы. При этом за 20 с небольшим лет российской государственности Россотрудничество – уже пятая форма работы. Это означает, что мы как государство до сих пор находимся в поиске оптимальной модели ее организации. Надеюсь, что именно Россотрудничество окажется финалом, так сказать, в этих поисках, и мы прилагаем для этого все усилия. Но, еще раз повторю, дело не только в организационных формах, но и в содержании этой работы. Мы не забываем традиций, мы их развиваем, но мы совершенно точно другая организация. ССОД был во многом организацией идеологической, он занимался агитацией и пропагандой, созданием приукрашенного образа нашей страны за рубежом. И делал это довольно эффективно – при всех изъянах советского строя у него реально было много искренних симпатизантов по всему миру.

И здание шикарное было у ССОДа...

Да, к сожалению, не осталось оно в нашей системе. Так вот, Россотрудничество не занимается агитацией и пропагандой, мы не считаем себя идеологической организацией, мы пытаемся исправить то неадекватное представление о России, которое, к сожалению, сейчас в мире утвердилось. Это то, что я называю «презумпцией виновности» России: что бы ни происходило в стране или за ее пределами в сознании массовых обывателей очень легко окрашивается в черные цвета, без особых усилий разобраться. Если убили журналиста – это свидетельство того, что преследуют свободную прессу, если арестовали олигарха, значит, это передел собственности. Если мы организуем Олимпиаду, то только с целью украсть деньги из бюджета. Сейчас многим людям очень легко занимать позицию неприятия всего, что происходит в России, и при этом оставаться в тренде. Мы считаем нашей главной задачей – утвердить в мире моду на более глубокое и более объективное восприятие России.

Мы пытаемся исправить то неадекватное представление о России, которое, к сожалению, сейчас в мире утвердилось. Это то, что я называю «презумпцией виновности» России: что бы ни происходило в стране или за ее пределами в сознании массовых обывателей очень легко окрашивается в черные цвета, без особых усилий разобраться.

В моей молодости, я помню, было модно разбираться в каких-то восточных штучках – знать, что такое инь и янь, фэн-шуй и так далее, человек мог легко блеснуть своим интеллектом. Вот мне бы хотелось, чтобы на знание России утвердилась такая мода – чтобы людям недостаточно было пролистать передовицу в своей местной газете и на основании этого формировать какие-то суждения в отношении нашей страны. Это несправедливо по отношению к России. Свои недостатки мы знаем лучше, чем кто бы

то ни было, но совершенно точно, что тот информационный шлейф, который за Россией тянется, радикальным образом в худшую сторону отличается от реального положения дел.

Как Вы это объясняете? И как это сочетается с огромным интересом ко всем российским культурным мероприятиям, который мы в Женеве, в частности, много лет наблюдаем?

Есть несколько объяснений. Я не претендую на истину в последней инстанции, но, разумеется, пытаюсь сам разобраться, почему так происходит. В моем сознании объяснений четыре. Первое: многие до сих пор воспринимают Россию, как повторное издание Советского Союза. СССР распался, но все, с ним связанное, перешло не на Украину, Грузию или Литву, а только на Россию. И вот как пели бабушки внукам во время Холодной войны – придет русский, тебя заберет ...

У нас был серенький волчок!

У нас да, а у них – русский. И в бытовом сознании это пока, к сожалению, не исчезло. Второе объяснение находится уже в современной политике России. Мы довольно часто, в силу собственной убежденности в правоте наших позиций, остаемся в меньшинстве, но не боимся этого. Мы занимаем особую позицию, скажем, по Ираку, по Югославии, сейчас по Сирии. А для многих — это намек на то, что Россия пытается реализовать собственные амбиции, удовлетворить собственные интересы, вне зависимости от реальной обстановки. Это вот та самая «презумпция виновности», которую я упоминал. Если мы защищаем Милошевича, значит он нам идеологически близок, хотя на самом деле в этой ситуации мы говорили о международном праве. Если мы защищаем Хуссейна, значит, нас интересуют нефтяные месторождения. То же самое с Асадом и так далее. Этот второй феномен легко накладывается на перечисленные выше фобии, как только позиция России отличается от общей.

Третья история связана с тем, что в мире существует жесткая конкуренция за рынки сбыта, за транспортные потоки, за транзит товаров и так далее. Очернение конкурента, создание его образа как недемократичного, непредсказуемого, агрессивного государства, - мощный фактор в конкурентной борьбе.

Вот горячая тема – Украина. Для того, чтобы приблизить Украину к Европейскому Союзу и НАТО, с одной стороны, украинцам объясняется, что это в их интересах, а с другой – восточный сосед максимально демонизируется, и через это Украина привлекается в европейские объятия.

Фактор привлекательности государства, интереса и доверия к нему, фактор морального авторитета и лидерства государства имеет совершенно точно не меньшее, а может, и большее значение, чем никуда не девшиеся армия и флот и маршруты трубопроводов. Россия, к сожалению, пока финансирует свою «мягкосильную» политику по остаточному принципу.

Если три эти позиции не зависят от нас, то четвертая зависит полностью. Мы сами, по моему глубокому убеждению, пока не осознали мощь так называемой «мягкой силы». По-прежнему многие наши люди считают, что мир уважает только силу, цитируют слова Александра Третьего о том, что у России нет других союзников, кроме ее армии и флота, и полагают, что именно туда должны вкладываться народные ресурсы.

Должны. Действительно, мир не настолько изменился со времен произнесения этой фразы, но все же изменился. И сейчас фактор привлекательности государства, интереса и доверия к нему, фактор морального авторитета и лидерства государства имеет совершенно точно не меньшее, а может, и большее значение, чем никуда не девшиеся армия и флот и маршруты трубопроводов. Россия, к сожалению, пока финансирует свою «мягкосильную» политику по остаточному принципу, я это чувствую и на нашем федеральном агентстве.

А как это выражается в цифрах?

Как раз недавно я столкнулся с цифрами, отражающими объем финансирования только одного американского агентства – USAid – только на одну Украину. Этот бюджет почти в два раза больше всего бюджета Россотрудничества на весь мир! При том, что в Украине работает не только USAid, но и множество других американских институтов, и не только американских. Надо понимать, что в мире ничто не происходит случайно. Трагедия в Украине, расколовшая общество, – результат, в том числе, 20-летних методичных усилий наших конкурентов и соперников на украинском пространстве по завоеванию умов и сердец людей. В то время, как мы на изломе советского периода нашей истории пошли по пути сворачивания прежней системы, того же ССОДа. Из многочисленных Домов науки и культуры две трети пошли под нож, сохранились только те, что были в нашей собственности – я говорю о зданиях. Остальные арендные договора были просто расторгнуты, то есть была применена логика чисто бухгалтерская, а не политическая. В результате, у нас продолжал функционировать Центр в Непале, при всем моем к нему уважении, а в Китае открылся только три года назад. Есть Центр в Замбии, но нет в ЮАР, есть в Перу, но нет в Бразилии. И так далее. Эта недальновидность сказывается сейчас, мы упустили почти 20 лет, пока наши конкуренты работали не просто в прежнем режиме, но и по нарастающей.

Недальновидность сказывается сейчас, мы упустили почти 20 лет, пока наши конкуренты работали не просто в прежнем режиме, но и по нарастающей.

То есть Вы считаете, что «мягкая», культурная составляющая в вашей деятельности часто эффективнее, чем политическая?

Я в этом абсолютно убежден, и дело не в том, что я возглавляю федеральное агентство, а в том, что я немножко понимаю во внешней политике. Это не вопрос лоббирования с целью получения дополнительного финансирования для Россотрудничества, это моя гражданская позиция. Я вижу процессы, которые происходят в мире, и прекрасно понимаю, что на самом деле жесткая сила и мягкая сила – это не сумма, это не слагаемые, а произведение, и когда один из компонентов стремится к нулю, то к нулю будет стремиться и произведение. Это не моя мысль, я ее вычитал у одного мудрого китайца, но очень люблю цитировать. Это должны быть два дополняющих друг друга элемента, а у России их пока в лучшем случае полтора.

Какие направления деятельности Россотрудничества Вы сами считаете приоритетными для вашего ведомства?

На данном этапе мы пытаемся предложить руководству страны более системную работу по взаимодействию со структурами гражданского общества внутри России и за рубежом. О чем я говорю? Если посмотреть на потенциальные точки опоры России

в гражданском обществе, их довольно много. Прежде всего, это наши соотечественники, выпускники советских и российских вузов, актив обществ дружбы, русисты, русскоязычные СМИ, многочисленные неправительственные организации пророссийской интеграционной направленности – например, в Украине существует несколько объединений, ратующих за ее вступление в Таможенный союз. То есть я не за то, чтобы российское государство напрямую финансировало эти структуры – это неправильно, это их дискредитирует, так никто в мире не работает. Но наши более опытные конкуренты выстроили очень хорошие цепочки, когда деньги, по большому счету, все равно начинаются в государственной казне, но никто об этом даже не подозревает. Я не говорю о каких-то подрывных методах работы, ни в коем случае! Просто эта модель абсолютно применима, но в России она не существует. И я пытаюсь добиться от нашего государства реорганизации работы в этой сфере, с тем чтобы появились патронажные организации (возможно, это не самое удачное слово) – например, Фонд поддержки русскоязычной прессы, в котором были бы и государственные деньги, и деньги бизнеса.

Сейчас у нас работа организована нормально только в трех случаях: с нашими соотечественниками, благо есть правительственная комиссия, «Русский мир» и Фонд Горчакова, который поддерживает российские НПО с международным профилем. И это все.

Нашу роль я вижу в консолидации русского мира за рубежом во всем его многообразии. А для этого нужны формат, ресурсы и инфраструктура.

Я воспринимаю деятельность Россотрудничества как элемент внешней политики. Мы не являемся филиалом ни министерства культуры, ни министерства образования – они всегда будут более действенными актерами в своих профильных областях. Нашу же роль я вижу в консолидации русского мира за рубежом во всем его многообразии. А для этого нужны формат, ресурсы и инфраструктура.

Представительства Россотрудничества существуют во многих странах, в том числе, и в Швейцарии. Какие задачи стоят здесь перед вашими коллегами?

Представительства у нас существуют в 80 странах, а открывшийся на прошлой неделе Центр российской науки и культуры в Анкаре стал 60-м. В Швейцарии центра пока нет, и одна из функций представителя заключается в том, чтобы вести дело к открытию полномасштабного Центра.

А что для этого нужно?

Создание правовой структуры, подписание межправительственного соглашения (если не ошибаюсь, со Швейцарией такого соглашения пока нет), нужно внутреннее понимание того, насколько такой Центр будет востребован в стране. То есть представительство – это начальная форма присутствия в стране, которая со временем перерастает во что-то большее. Надеюсь, так произойдет и со Швейцарией. Но это дело достаточно сложное и затратное, если называть вещи своими именами. Согласно российскому законодательству, российские Центры науки и культуры открываются на основе межправительственных соглашений и решением президента. На сегодняшний день, в плане, утвержденном президентом в прошлом году, указаны 11 новых точек, из них девять в СНГ, плюс Турция и Румыния. Но приоритет № 1, конечно, это СНГ. Причем мы уже открыли Центры практически во

всех столицах, теперь идем вглубь.

Дай Бог, сейчас все успокоится, и мы откроем Центр в Харькове, он уже одобрен в президентском списке. А в нашем дополнительном списке фигурируют также Львов, Донецк и Днепропетровск, то есть мы постараемся охватить все крупные города. По этому поводу расскажу Вам такую историю. Зная, что мы будем открывать Центр в Харькове, я поехал туда по случаю празднования 70-летия со дня освобождения города от фашистов. Приезжаю, встречаюсь с губернатором и мэром и гордо сообщаю о решении открыть Центр, высказывая предположение, что, наверно, он будет у них первым. Они смотрят на меня с удивлением и говорят, что уже десять лет у них работают немцы, французы, китайцы, израильтяне и еще кто-то пятый. Вот она – Восточная Украина, где уже давно сидят все наши конкуренты.

А не будет перебора, если во всех городах Центры открывать?

У меня как раз под рукой интересные цифры по Германии. Alliance Française открыл Центры в 24 германских городах, американцы – в двенадцати, итальянцы – в восьми, Британский Совет в пяти, а у нас только один Центр, в Берлине.

Проектов, связанных с продвижением русского языка и культуры, множество, в том числе и в Швейцарии. Их авторов объединяет одно – поиск денег.

Сразу скажу – мы не выдаем гранты, Федеральное агентство просто не имеет на это права. Мы работаем в рамках так называемого государственного заказа, то есть идем через конкурс, выделяем определенный ресурс на реализацию определенного проекта, причем львиная доля средств идет на проекты, реализуемые российскими организациями из России. Например, поездки художественных коллективов по нашим культурным центрам.

С этого года мы разграничили полномочия между МИДом и Россотрудничеством в части, касающейся работы с соотечественниками. По правительственной программе есть 30 направлений, из которых десять остались за МИДом (правда, с двумя третями ресурсов), а двадцать перешли к Россотрудничеству. Среди них, например, программа «Приглашение в Россию», цель которой – приглашать к нам детей из семей соотечественников, раньше в России не бывавших.

Вы не только глава Россотрудничества, но и спецпредставитель РФ по СНГ. Тем не менее, в такой напряженный из-за ситуации в Крыму момент Вы приехали в Швейцарию, пожертвовав выходными. Какова цель Вашей поездки?

Приглашение я получил, когда никакого напряжения еще не было. 200-летие отношений между нашими странами – интересная дата и хороший пример того, как государства, разные по своему экономическому и политическому устройству, могут продуктивно взаимодействовать на протяжении почти всего этого периода.



[Россия](#)
[российско-швейцарские отношения](#)
[швейцарское вино](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/peoples/17301>